DOI 10.15826/qr.2022.1.667
УДК 343.814(470.313) + 343.822.9 + 94(470)"1921" + 34.096

CC BY

Конфликт в карательной системе Рязани и побег политзаключенных в 1921 году*

Олег Тарасов
Академия ФСИН России,
Рязань, Россия

Confrontation in the Punitive System of Ryazan and the Escape of Political Prisoners in 1921

Oleg Tarasov
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryazan, Russia

This article examines the peculiarities of provincial prisons during the formation of the Soviet corrective labour system. It is based on previously unpublished historical documents and materials from the the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of Ryazan Region. Despite the general goals of the Soviet state's corrective labour policy, the formative period was characterised by a dispersion of punitive functions among several departments and fierce competition for the monopoly over the execution of punishments. Based on historical material from Ryazan province, the author illustrates the spectrum of these interdepartmental contradictions, referring to a case connected with the detention of a group of political prisoners in Ryazan. He also gives a detailed description of the appearance of the group in Ryazan, whose background was the mass riots among prisoners that occurred in Butyrskaya prison in April 1921. One of the consequences was a sudden dispersal of political prisoners to provincial places of detention and a mass escape of anarchists from a hastily organised political prison in Ryazan. In the form of a narrative, the article provides a detailed description of the actions of various provincial authorities and officials to ensure strict isolation for political prisoners in Ryazan, presents an ordered chronology of events, and interprets the actions of the participants. As a compromise, they established the organisation of "political prison" in an unprepared building of the former corrective detention department

* *Citation*: Tarasov, O. (2022). Confrontation in the Punitive System of Ryazan and the Escape of Political Prisoners in 1921. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 204–220. DOI 10.15826/qr.2022.1.667.

Цитирование: *Tarasov O.* Confrontation in the Punitive System of Ryazan and the Escape of Political Prisoners in 1921 // Quaestio Rossica. 2022. Vol. 10, № 1. P. 204–220. DOI 10.15826/qr.2022.1.667 / *Тарасов О.* Конфликт в карательной системе Рязани и побег политзаключенных в 1921 году // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 1. С. 204–220. DOI 10.15826/qr.2022.1.667.

© Тарасов О., 2022

with serious violations of the regime's requirements. Based on information from official documents, the author describes the requirements for maintaining political prisoners formed by the Punitive Department. The article shows the impact of the events of 1921 in the Ryazan "political prison" on the subsequent development of the system of detention in Ryazan province. It is concluded that the reason for the mass escape of a group of anarchists was the organisational unpreparedness of provincial places of detention and the interdepartmental struggle of the local structures of central departments. Finally, one of the possible consequences of this emergency was the exclusion of Ryazan from the list of provinces in which a network of political isolation prisons was established a few years later.

Keywords: political convicts, Butyrskaya prison, Ryazan Province prison, Provincial Punitive Department, Provincial Department of Punitive Forced Labour, Provincial Emergency Commission

Статья посвящена проблеме функционирования провинциальных мест лишения свободы в условиях становления советской исправительно-трудовой системы. Задействованы ранее не опубликованные архивные материалы ГАРФ и ГАРО. Несмотря на общие цели исправительно-трудовой политики Советского государства, для этого периода были характерны рассредоточение карательных функций в нескольких ведомствах и жесткая конкурентная борьба за монополию на исполнение наказаний. Автор иллюстрирует спектр данных межведомственных противоречий на примере содержания в Рязани группы политических заключенных. Подробно описываются обстоятельства появления этой группы, предысторией которого стали массовые беспорядки среди заключенных, произошедшие в Бутырской тюрьме в апреле 1921 г. Одними из их последствий стали внезапное рассредоточение политических заключенных по губернским местам заключения и массовый побег анархистов из наскоро организованной в Рязани политической тюрьмы. Подробно освещены действия различных губернских органов и должностных лиц по обеспечению режима строгой изоляции для политических заключенных в Рязани, представлена упорядоченная хронология событий, даны интерпретации поступков их участников. Компромиссным итогом этой деятельности явилась организация «политической тюрьмы» в неподготовленном здании бывшего исправительного арестантского отделения с серьезными нарушениями режимных требований. Информация из служебных документов дает возможность описать требования к содержанию политических заключенных, сформированные органами ВЧК в тот период, и показать, какое влияние события 1921 г. в рязанской «политической тюрьме» оказали на последующее развитие системы мест лишения свободы в Рязанской губернии. Делается вывод, что причинами массового побега группы анархистов из здания бывшего арестантского отделения стали организационная неподготовленность губернских мест заключения и межведомственная борьба местных структур Народного комиссариата юстиции, НКВД и ВЧК. Возможным последствием этого происшествия стало исключение Рязани из списка губерний, в которых через несколько лет была учреждена сеть политических изоляторов.

Ключевые слова: политические заключенные, Бутырская тюрьма, Рязанская губернская тюрьма, губернский карательный отдел, губернский отдел принудительных работ, губернская чрезвычайная комиссия

Весной – летом 1921 г. в отчетах и во внутренней переписке местных административных и карательных органов Рязанской губернии внезапно появляется, а затем так же внезапно исчезает упоминание о «группе политических заключенных» и о деятельности некой «рязанской политической тюрьмы». Никаких официальных решений об открытии нового места лишения свободы в Рязани не было принято ни на местном, ни на центральном уровне. Данное упоминание является одним из ранних свидетельств применения режима строгой изоляции, связанного с малоизученной еще проблемой деятельности сети политических изоляторов, созданной в нескольких губерниях советской России в 1920-х гг.

В этот период на фоне затухания активных боевых действий на фронтах Гражданской войны Советское государство, возглавлявшееся коммунистической партией, столкнувшись с проявлениями оппозиционности, вступило в борьбу со вчерашними политическими союзниками – социалистическими партиями. Результатами столкновения стали наполнение в 1920–1921 гг. советских тюрем социалистами-революционерами, социал-демократами, анархистами и быстрое превращение этого пространства несвободы в отдельную специфическую арену борьбы, принявшую форму тюремного противостояния. В этом противостоянии власти формулировали и развивали режим содержания для политических заключенных, а арестанты всеми силами стремились расшатать этот режим. И те, и другие в своих усилиях обратились к дореволюционному опыту царских тюрем. По мнению одного из современных исследователей, для властей создание режима строгой изоляции «являлось важнейшей задачей, причем задачей, без преувеличения имеющей серьезное политическое значение», а политические заключенные пытались преодолеть изоляцию, «прибегая к ухищрениям “тюремной коммуникации” и добиваясь расширения границ “политрежима” всеми доступными для себя способами – от заявлений до голодовок и самоубийств» [Морозов, с. 477].

События, произошедшие в 1921 г. в Бутырской тюрьме и в Рязани, представляются малоизученной страницей, ярко иллюстрирующей это противостояние. Опубликованный корпус источников представлен лишь брошюрой, «изданной в интересах правдивого изложения» [Ребрух, с. 2], и информацией биографически-справочного характера, фиксирующей факт пребывания представителей социалистических партий в рязанской тюрьме, но не раскрывающей подробностей [Общий список социалистов и анархистов][1]. Источниковой базой,

[1] «Мемориал» внесен Министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

позволившей достоверно и обоснованно осветить вопрос о деятельности «политической тюрьмы» в Рязани, послужили ранее не публиковавшиеся архивные документы из фондов ГАРО и ГАРФ [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299; ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 7, Д. 59, Д. 121].

В 1921 г. состояние мест лишения свободы в Рязанской губернии представляло собой срез общей запутанной ситуации, сложившейся в период Гражданской войны в сфере исполнения наказаний. После 1917 г. остатки царской тюремной системы – сохранившиеся губернские и уездные следственные и срочные тюрьмы, со временем переименованные в дома заключения и исправительно-трудовые дома, – находились в ведении Центрального карательного отдела Народного комиссариата юстиции РСФСР (ЦКО НКЮ). Помимо этого, с 1919 г. по инициативе Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совете народных комиссаров РСФСР начала формироваться параллельная система концентрационных лагерей принудительных работ, которые после организации поступили в ведение Главного управления принудительных работ Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. Несколько своих тюрем имела и ВЧК. Таким образом, сфера исполнения наказаний к концу 1919 г. оказалась рассредоточенной в трех ведомствах – ГУПР НКВД, ВЧК и ЦКО НКЮ [Джекобсон, Смирнов, с. 12].

Принципиальных отличий ни в категориях заключенных, ни в условиях их содержания в тюрьмах или лагерях не было. Начиная с 1920 г. между НКЮ и НКВД, поддерживавшимися ВЧК, развернулась жесткая межведомственная борьба за концентрацию всех существовавших тогда мест лишения свободы в руках одного ведомства. Данная ситуация порождала как на местах, так и в центре административное противостояние представителей различных ведомств, взаимные тяжбы, претензии и конфликты, которые приводили к организационной неразберихе, дополнительным трудностям, а зачастую и к полному параличу деятельности отдельных учреждений. Появление в Рязани тюрьмы для политических заключенных явилось прямым следствием этих процессов.

25 апреля 1921 г. председателю коллегии Губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при рязанском губернском исполнительном комитете Г. Я. Лобанову поступил звонок из Москвы. Представителя ВЧК интересовало число мест для содержания политических заключенных, имеющихся в распоряжении губчека в Рязани. Г. Я. Лобанов ответил, что сможет предоставить 150 мест, сделав оговорку, что все они находятся в отдельном корпусе рязанского губернского лагеря принудительных работ, где заключение может быть организовано лишь на общих основаниях [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 103]. Предоставляя эту информацию, Лобанов не предполагал, что этот разговор может привести к каким-либо последствиям так быстро. Однако уже на следующий день ВЧК, проигнорировав его оговорку, прислала из Москвы в распоряжение

рязанских чекистов 35 политических заключенных [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 28], что явилось полной неожиданностью для принимающей стороны. Эта экстренность объяснялась серьезностью событий, которые произошли накануне в Москве в Бутырской тюрьме.

Бутырская тюрьма была одной из первых тюрем, где к 1921 г. ВЧК сосредоточила заключенных из числа политических оппонентов и противников большевиков. Наряду с уголовниками, там содержались около 180 представителей оппозиционных социалистических партий, режим содержания которых, по свидетельству эсэра В. М. Ребруха, бывшего в то время среди заключенных, заметно отличался в лучшую сторону [Ребрух, с. 6]. Недовольные таким положением дел, заключенные уголовники 22 апреля 1921 г. потребовали для себя облегчения режима и начали голодовку. К 25 апреля голодовка, получившая «моральную поддержку» политических заключенных, переросла в массовые беспорядки:

> С 10 часов утра начался по всей тюрьме дикий вой [кричали так, как будто кого-то сильно истязали]… Выли по сменам, одна часть коридора выла, другая в это время отдыхала, и так во всех камерах… На улице вокруг тюрьмы начал собираться народ… всех охватила какая-то тревога, жуть за судьбу тех, над которыми, как им казалось, проделывают нечто ужасное [ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 59. Л. 11].

Чтобы прекратить это, власти пошли на удовлетворение почти всех требований заключенных, которые восприняли это как свою победу. Однако последовавшие далее события показали, что в ВЧК рассматривали эти уступки лишь как вынужденное средство для восстановления порядка. Одновременно созваниваясь со своими губернскими представителями из близлежащих регионов, чекисты решали вопрос о срочном рассредоточении политических заключенных из Бутырской тюрьмы в другие места лишения свободы. Уже в ночь на 26 апреля решение было найдено. Один из очевидцев и участников этих событий, член Московского комитета РСДРП А. Н. Малкин, свидетельствовал:

> Совершенно неожиданно… в ночь к нам явилось видимо-невидимо военной силы, ворвались в социалистические камеры и, не говоря зачем и для чего, отдали приказ немедленно одеваться. Двенадцатый коридор эсэров, анархистов и одна социал-демократическая камера пытались не подчиниться, но их силой вытолкали, причем наших с-д и всех поколотили [Там же. Л. 1].

Из Бутырской тюрьмы, расположенной в центре Москвы, заключенные были этапированы в Таганскую тюрьму и в близлежащие губернии – Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую. В Рязань была направлена партия из 16 социал-демократов, девяти социалистов-

революционеров и десяти анархистов, среди которых оказались деятели общероссийского и международного революционного движения: меньшевики Г. О. Бинштok, И. М. Минков, члены московского Союза социал-демократической рабочей молодежи Л. С. Ланде и Г. Е. Аркин, участник московского вооруженного восстания 1905 г. эсэр В. С. Морозов, члены Конфедерации анархистов Украины А. Е. Буданов, Д. С. Коган, П. И. Хохотва. Наиболее заметной фигурой в группе анархистов была единственная женщина – Ф. А. Барон, которая с 1912 г. после вынужденной эмиграции вместе с мужем А. Д. Бароном принимала активнейшее участие в рабочем движении в США и неоднократно задерживалась американской полицией. В 1917 г., вернувшись в Россию, она вошла в число лидеров Конфедерации анархистов Украины «Набат» и принимала активное участие в событиях Гражданской войны, взаимодействуя с формированиями Н. И. Махно [ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 121. Л. 1].

В результате 26 апреля перед рязанской губернской чрезвычайной комиссией внезапно встала серьезная задача в кротчайший срок организовать размещение группы беспокойных политических арестантов, которые практически сразу же по прибытии в Рязань продекларировали свою непримиримую позицию. После помещения их в одном из бараков Рязанского губернского лагеря принудительных работ политические заключенные написали коллективное письмо в «Политический Красный Крест», проинформировав эту организацию о своем местопребывании, сообщили помимо всего прочего, что «условия жизни здесь ужасны. Камеры закрыты, на прогулку не пускают. Пища отвратительная, грязна, везде грязь, клопы и прочие паразиты», и завершили послание твердым решением: «На днях думаем объявить войну за лучшие условия» [Там же. Д. 7. Л. 9]. Губернским властям отношения с этой группой бывших соратников большевиков в борьбе с царизмом и нынешних политических противников и оппонентов предстояло строить в строгом соответствии с многочисленными пунктами инструкции ВЧК о порядке содержания политических заключенных, присланной одновременно с арестантской партией [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 141–141 об.].

В инструкции, определявшей общие требования к режиму содержания, говорилось, что политические заключенные числились только за ВЧК и в любых местах лишения свободы должны были содержаться в условиях строгой изоляции, исключительно в помещениях камерного типа (одиночных или общих) и только по указаниям секретного отдела ВЧК.

Строгая изоляция заключалась также и в «безусловном запрещении» какого-либо общения между содержащимися в различных камерах как во время нахождения в них, так и во время прогулок. Свидания разрешались два раза в неделю, за исключением случаев, когда к арестованным приезжали родственники из других мест, и проходили только в присутствии надзирателя. Представители организа-

ций, осуществлявших помощь политическим заключенным, таких как «Московский политический Красный Крест» и «Всероссийский Черный Крест», могли допускаться на свидание на общих основаниях, но лишь со старостами, выбранными от групп политических заключенных. Прибывшие в Рязань выбрали в старосты меньшевика Г. О. Бинштока, анархиста В. М. Курбатова и эсэра В. С. Морозова [ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 7. Л. 8].

Кроме требований строгой изоляции, в инструкции подчеркивался статус политических заключенных, в обращении с которыми надзиратели, равно как и вся тюремная администрация, должны были быть «в высшей степени корректны, вежливы и предупредительны». В отличие от других категорий, политические заключенные ни под каким предлогом не должны были привлекаться на работы, лишь отдельные из них допускались на внутренние работы и только по специальному разрешению председателя губчека, утвержденному начальником секретного отдела ВЧК.

Именно такой режим необходимо было обеспечить для прибывшей партии, поэтому, по словам Г. Я. Лобанова, после ознакомления с инструкцией ему стало очевидно, что в лагере принудительных работ это сделать будет затруднительно. Поэтому практически сразу, опасаясь потерпеть фиаско в деле, порученном центральным руководством, рязанские чекисты поспешили переложить всю ответственность на смежное ведомство.

Приняв группу политических заключенных только на одну ночь в бывшем корпусе для белогвардейских офицеров лагеря принудительных работ, заведующий секретным отделом рязанской губчека Ширяев 27 апреля потребовал от заведующего рязанским губернским карательным отделом при губернском отделе юстиции В. И. Стельмака, в ведении которого находилась губернская тюрьма, «немедленно сделать распоряжение об освобождении помещения для помещения присланных из ВЧК 35 человек политических заключенных и числить за ВЧК содержанием и строгой изоляцией» [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 99]. Соответствующая инструкция ВЧК одновременно была послана начальнику губернской тюрьмы М. Е. Завьялову для ознакомления и неукоснительного исполнения.

Условия содержания в рязанской тюрьме в тот момент были малопригодны для обеспечения режима политических заключенных. Тюрьма на 75 % была перегружена, и к тому же среди арестантов началась эпидемия возвратного тифа. Однако, несмотря на эти трудности, начальник тюрьмы вынужден был принять партию заключенных, числящихся за секретным отделом ВЧК. С того момента решение проблемы организации и осуществления содержания политзаключенных легло на плечи губернского карательного отдела, а представители губчека лишь контролировали этот процесс, предъявляя различные требования.

Начальник рязанской тюрьмы смог разместить политических заключенных в разных помещениях, которые наскоро удалось для них

освободить. Ф. А. Барон была направлена в женское отделение губернской тюрьмы, стоящее отдельно. Основная же масса была размещена в двух камерах нижнего, подвального этажа основного тюремного здания, которые находились в антисанитарном состоянии и, по оценкам тюремной администрации, были абсолютно непригодны для этих целей. Сами заключенные, оказавшись в суровых условиях провинциальной тюрьмы, пришли к неутешительному выводу: «жить здесь будет очень, очень тяжело, в особенности после Бутырки» [ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 7. Л. 9 об.].

Заместитель председателя губчека А. М. Калабухов, предварительно согласовав вопрос, предложил начальнику тюрьмы «сменить камеры политических заключенных» [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 99]. После нескольких перемещений внутри тюрьмы 28 апреля в качестве временной меры арестанты были переведены в здание бывшего рязанского исправительного арестантского отделения, находившееся неподалеку от губернской тюрьмы. Впоследствии оказалось, что это здание, хоть и ненадолго, стало для политических арестантов последним местом их заключения в Рязани. И именно оно стало проходить в отчетах и сводках в качестве «тюрьмы для политических заключенных».

Идея использовать здание бывшего исправительного арестантского отделения для этих целей была не самой удачной, здание в тот момент являлось предметом жесткой борьбы сразу нескольких ведомств. Построенный в 1844 г. для размещения рязанской арестантской роты гражданского ведомства, перестроенный и значительно расширенный в 1903 г. комплекс зданий рязанского исправительного отделения являлся самым крупным и когда-то наилучшим образом оснащенным местом лишения свободы в губернии. Несмотря на это, осенью 1919 г. исправительное отделение было упразднено, а его территория, здания и материальная база были предоставлены орловским военным мастерским, эвакуированным в Рязань под угрозой наступления частей А. И. Деникина. Изменение ситуации на фронтах Гражданской войны привело к закрытию военных мастерских, но здания не были возвращены в ведение губернского карательного отдела. Комплекс зданий бывшего арестантского отделения, имевший когда-то систему центрального водопровода и электрического освещения, не используясь по прямому назначению, был разграблен и полуразрушен. Формально здания находились в распоряжении губернского военного коменданта, однако руководство рязанского карательного отдела не теряло надежды на их возвращение в свое ведение. Этот вопрос неоднократно поднимался на центральном уровне, и к весне 1921 г. после долгой переписки руководство губернского отдела юстиции заговорило о том, что «в недалеком будущем этот вопрос будет решен в желательном смысле» [Отчет о деятельности Рязанского губисполкома, с. 7].

Более всех от этого перевода выиграл начальник губернской тюрьмы М. Е. Завьялов, который поспешил уже на следующий день издать распоряжение, предписывающее его помощнику Л. Г. Левенцу

> …принять партию политзаключенных в количестве 34 человек, находящихся в бывшем исправительном арестантском отделении, под свое наблюдение и ответственность, руководствуясь инструкцией ВЧК о политзаключенных [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 94].

Заключенных разместили в одной из больших камер пустовавшего верхнего четвертого этажа основного корпуса бывшего исправительного арестантского отделения. Архитектура этого здания была стандартной для мест заключения. Все камеры на этаже имели выходы в длинный коридор, в середине которого находился единственный выход на лестницу, соединявшую все этажи и ведущую во внутренний двор. Перед выходом с этажа коридор разделялся на два крыла двумя железными решетками. Снаружи вся территория комплекса тюремных зданий была окружена высокой стеной с единственными воротами.

На момент появления там политических заключенных здания бывшего исправительного арестантского отделения находились в ведении начальника гарнизона Ларина и три этажа его основного корпуса использовались как гауптвахта для дезертиров и других нарушителей, там же содержались заключенные, числившиеся за Отделением районной транспортной чрезвычайной комиссии (ОРТЧК) железнодорожной станции Рязань [Там же. Л. 82].

Охрана здания также осуществлялась совместно несколькими ведомствами. На внешние посты у фасада здания, ворот и во дворе рязанская комендатура выставляла красноармейцев [Там же. Л. 84], службу на внутренних постах на трех первых этажах несли представители ОРТЧК [Там же. Л. 82]. Внутренние посты на четвертом этаже с политзаключенными выставлялись начальником тюрьмы и состояли сначала из милиционера, а затем из красноармейца, дежуривших круглые сутки, и одного надзирателя, дежурившего только днем [Там же. Л. 84].

Сложившаяся ситуация не устраивала никого. На протяжении мая месяца с заселением камер бывшего арестантского исправительного отделения политическими заключенными межведомственное противостояние по поводу условий их содержания не прекратилось, более того, оно обрастало новыми очагами напряжения и начало выходить за границы губернии.

Заведующий губернским карательным отделом В. И. Стельмак 5 мая направил в рязанскую чрезвычайную комиссию отношение, в котором сообщил, что «выполнить инструкции в пункте полной изоляции не представляется возможным», пока в здании содержатся дезертиры и пока вопрос о его передаче на будет решен на уровне Центрального карательного отдела. Обратив внимание на то, что в санитарном отношении здание также непригодно и дальнейшее содержание политических заключенных там невозможно, В. И. Стельмак предложил губчека срочно разрешить вопрос о том, «не представляется ли возможным перевести их куда-либо из уездов Рязанской губернии» [Там же. Л. 100].

Не решаясь принять самостоятельное решение, 10 мая председатель губчека Г. Я. Лобанов отправил предложение карательного отдела о переводе политических арестантов в одну или в несколько уездных тюрем Рязанской губернии на согласование своему руководству в Москву. Предложенный вариант совершенно не устроил ВЧК, которая через несколько дней в ультимативной форме потребовала «немедленного перевода из губернской тюрьмы спекулянтов и уголовников в уездные тюрьмы и размещения на их места политических заключенных» [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 103]. Лобанов 18 мая довел это требование до В. И. Стельмака. Тот телеграммой проинформировал о требованиях чекистов московское руководство и, сообщив, что при «настоящих условиях в переполненной заключенными тюрьме об изоляции не может быть и речи», попросил начальника Центрального карательного отдела Л. А. Саврасова срочно дать указания, как ему поступить [Там же. Л. 97].

Однако ответа из Москвы В. И. Стельмак так и не дождался, а самостоятельно предпринимать ничего не стал, за что впоследствии представители рязанской губчека обвинили его в преступной халатности. Справедливости ради необходимо добавить, что, кроме простого нежелания идти навстречу требованиям губчека, губернский карательный отдел по объективным причинам не мог освободить губернскую тюрьму для политических заключенных. Ситуация в рязанских местах лишения свободы к весне 1921 г. оставалась довольно сложной.

Рязанский отдел юстиции в специальном обращении констатировал тот факт, что «в настоящее время все места лишения свободы в губернии, и в особенности г. Рязани, переполнены заключенными», и предупреждал, что «такая скученность тюремного населения способствует развитию и распространению эпидемии заразных болезней» [ГАРО. Ф. Р-2434. Оп 1. Д. 106. Л. 25]. Учитывая сложность момента, губернский отдел юстиции требовал провести разгрузку тюрем и не заставлять заключенных «отсиживать по нескольку месяцев в период проведения следствия и до разбора их дел» [Там же].

Упомянутая в обращении угроза распространения болезней в местах лишения свободы весной – летом 1921 г. не была пустым звуком. Уплотнение и перемещение заключенных были чреваты тяжелыми последствиями, и руководитель карательного отдела это хорошо осознавал:

> В настоящее время в тюрьме содержится заключенных вдвое более положенного по кубическому содержанию воздуха количества заключенных и по словесному заключению тюремного врача, при таком размещении людей по камерам, как они находятся в настоящее время, может развиться такая эпидемия возвратного тифа, что предотвратить это несчастье будет трудно, и поэтому теперь же требуется немедленная разгрузка тюрьмы от заключенных [ГАРО. Ф. Р-49. Оп 1. Д. 1021. Л. 34 об.].

Хроническим переполнением тюрем объяснялась и та упорная борьба рязанского карательного отдела, которую он вел ради возвра-

щения в свое ведомство здания бывшего исправительного арестантского отделения. Тяжба эта завершилась в пользу карательного отдела уже после организации тюрьмы для политических заключенных в этом здании. 9 мая оно было передано В. И. Стельмаку [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 82 об.], однако кризис в межведомственном взаимодействии лишь усугубился. После сдачи здания военная комендатура вывела своих арестантов и в одностороннем порядке сняла свой караул. В здании остались только заключенные, числившиеся за ОРТЧК станции Рязань, и последняя выставила свой караул [Там же. Л. 84].

К тому времени политзаключенные, продолжив начатую еще в Бутырской тюрьме тактику «тюремного противостояния», стали предъявлять требования к условиям содержания, которые местная администрация вынуждена была удовлетворять. Во-первых, через своих выбранных старост политзаключенные отказались от свиданий через решетку; во-вторых, с основной группой арестантов в «политической тюрьме» удалось вновь воссоединиться анархистке Ф. А. Барон, содержавшейся ранее в женском отделении губернской тюрьмы.

Следующее казавшееся нереальным требование заключенных – право на прогулки за пределами тюремных стен – также было удовлетворено. Поводом для этого стала очевидная невозможность организации прогулок во внутреннем дворике тюрьмы, который в последнее время был превращен в общественную уборную – двор был «переполненный испражнениями и воздух зараженный миазмами» [Там же. Л. 35]. Поэтому после двух прогулок заключенные запротестовали. Реакция представителей различных ведомств на это снова была противоположной. Представители губернского карательного отдела выступали резко против подобного послабления режима, но руководство губчека настояло на организации прогулок, еще раз обратив внимание на необходимость перевода заключенных в губернскую тюрьму.

Прогулки были организованы дважды в неделю в Никольском саду или по берегу реки Трубеж. Для этого приходилось проходить несколько городских кварталов. Причем, по словам тюремных надзирателей, сопровождавших заключенных, последним «было предоставлено право купаться в реке» [Там же. Л. 84 об.]. Эти прогулки были не единственным поводом для выхода арестованных за пределы тюрьмы. Руководство губчека санкционировало оказание заключенным необходимой медицинской помощи в учреждениях города и у частных врачей. По словам помощника начальника губернской тюрьмы Л. Г. Левенца, пользовались они этим правом в полной мере и «в гражданскую амбулаторию ходили почти ежедневно группой человек по пяти», конвой для сопровождения также предоставляла всегда губчека [Там же. Л. 84 об.].

Почувствовав несогласованность в действиях и неуверенность местных властей, политические заключенные продолжили предъявлять свои требования. Их категорически не устраивала сложившаяся практика двухчасовых прогулок два раза в неделю за пределами

тюрьмы, и «ввиду невозможности совершать прогулки по двору, переполненному испражнениями», они попросили права постоянного свободного передвижения по коридорам и камерам четвертого этажа [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 35]. Кроме того, они вышли на руководство губчека с ходатайством о размещении их раздельно по партийному принципу, сформировав меньшевистскую, эсэровскую и анархическую камеры.

Режим «политической тюрьмы со строгой изоляцией», наспех созданный для заключенных в камерах бывшего исправительного арестантского отделения, расшатывался и трещал по швам. Переговоры между губернскими структурами карательного отдела и чрезвычайной комиссией о дальнейшем месте пребывания политзаключенных к этому моменту окончательно зашли в тупик. Ситуация взаимных претензий, непонимания и рассогласованности действий различных ведомств достигла своего апогея, что объясняет логику уже совершившихся и последующих событий, а заодно и реакцию на них всех действующих лиц.

Практически одновременно с межведомственной перепалкой по поводу места «политической тюрьмы» ОРТЧК убрала всех своих заключенных из камер первых трех этажей здания арестантского отделения, а вместе с тем сняла и свой караул, бывший на внутренних постах, не поставив официально никого об этом в известность. Оставшись в этом здании одни на четвертом этаже, политзаключенные оказались «охраняемы только одним надежным постом у дверей коридора, и другим постом у главного входа в тюрьму, и одним часовым, стоявшим у окон переднего фасада здания» [Там же. Л. 82 об.].

Буквально через несколько дней В. И. Стельмаку поступило отношение заведующего секретным отделом губчека Ширяева, в котором сообщалось:

> Вследствие ходатайства политических заключенных в числе 35 человек, присланных из Москвы, коллегия Рязгубчека просит сделать распоряжение начальнику тюрьмы об открытии решетки на все время дня и ночи… предоставить право меньшевикам и эсэрам разместиться по камерам отдельно от анархистов, а последним предоставить отдельную камеру [Там же. Л. 97].

Впоследствии председатель губчека Г. Я. Лобанов так объяснял свое решение:

> Двухкратные прогулки в неделю… не могли удовлетворять арестованных, двор места заключения, где они могли бы прогуливаться в остальные дни недели, находится в крайне антисанитарном состоянии, грязен, и воздух заражен запахом от ретирадов, ввиду этого заключенные настоятельно просили предоставить им возможность прогуливаться в течение суток хотя бы по коридорам. Поэтому и уступая их настойчивым просьбам, ГубЧК дала свое согласие на снятие решеток и на прогулки по коридорам. При этом

ГубЧК полагала, что здание места заключения охранялось снаружи караулом от 3-го батальона войск ВЧК, местного гарнизона и от ОРТЧК ст. Рязань Моск.-Каз. ж. д., причем о снятии двух последних караулов ГубЧК поставлена в известность не была [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 103 об.].

Новые требования напрямую противоречили и инструкции ВЧК, и сложившейся практике организации службы в местах лишения свободы ЦКО НКЮ, поэтому руководство губернского карательного отдела запросило соответствующих санкций свыше. После нескольких телеграмм Л. А. Саврасову с просьбой «срочно преподать разъяснения» 13 июня из Москвы был получен ответ: «Если местным условиям возможно, препятствий нет удовлетворению ходатайства» [Там же. Л. 99]. Несмотря на недовольство этим решением, сотрудникам губернского карательного отдела пришлось в очередной раз подчиниться.

Помощнику начальника тюрьмы Л. Г. Левенцу, ответственному за политических заключенных, был направлен приказ, которым на основании распоряжения губчека предписывалось «раскрыть коридорные решетки на все время дня и ночи и предоставить арестованным право размещаться свободно по камерам, которые они найдут удобными» [Там же. Л. 84]. В этой связи ему пришлось внести еще одно необходимое изменение в систему охраны «политической тюрьмы». Пост надзирателя на этаже, стоявшего между решеток, пришлось убрать, так как при раскрытых решетках он один оказывался в окружении 35 заключенных и тем самым подвергал свою жизнь риску. А, убрав этот пост, тюремная администрация, по сути, полностью лишилась возможности контролировать действия политических заключенных в течение всего дня. Эти процессы привели к тому, что к середине июня в «тюрьме для политических заключенных» в плане режима и охраны сложилась абсурдная ситуация:

Нижние три этажа совершенно пустые, т. к. ОРТЧК своих заключенных из нижних этажей убрала, в них все коридорные решетки раскрыты, т. к. запоров там никаких не было; верхний 4-й этаж – коридорные решетки открыты, у входных дверей с 4-го этажа – наружный пост из одного красноармейца, один пост – у главного входа в тюрьму, и один пост – у переднего фасада, больше постов не было нигде. Задняя дверь во внутренний двор за неимением затворов прикрывалась, но не запиралась [Там же. Л. 84 об.].

Поразительно, но все эти обстоятельства ни для кого не являлись секретом. Г. Е. Левенец, которому непосредственно было поручено дело организации охраны и содержания политических, утверждал, что «за время такого состояния тюрьмы администрация и губчека в тюрьме бывали часто» [Там же]. Не воспользоваться представившимся случаем политические заключенные, среди которых были опытные про-

фессиональные революционеры, прошедшие школу борьбы с царским режимом, просто не могли. В ночь с 18 на 19 июня 1921 г. давно назревавший кризис в «рязанской политической тюрьме» перерос в чрезвычайное происшествие – массовый побег десяти анархистов.

Срочно была назначена комиссия по выяснению обстоятельств побега. Представителю рязанской губчека Гридневу и заместителю заведующего губернским карательным отделом В. И. Смоковнину, прибывшим утром 19 июня для первичного осмотра на место происшествия, открылась следующая картина:

> В ретираде 4-го этажа главного корпуса при входе в него с правой стороны, против которого в камере помещалась одна заключенная Фани Барон, сделан взлом пола и потолка в помещение 3-го этажа, взлом пола произведен посредством вынутия около печи двух коротких половиц и разбора потолочного над третьим этажом наката с отбивкой штукатурки, отбитая штукатурка во избежание стука собиралась в дождевой зонт и в нем спускалась в третий этаж вместе с другими. Для спуска же бежавших заключенных была спущена из четвертого этажа в третий почти не бывшая в употреблении веревка, привязанная к вынутому из потолка накату величиною аршин с четвертью. Спустившиеся по этой веревке бежавшие в 3-й этаж, который не был заперт и никем не окарауливался, проникли во второй и первый этажи, так же как и третий, пустовавшие, и затем вышли во двор, откуда при помощи лежавшей во дворе среди мусора железной решетки аршин 8-ми, оказавшейся подставленной к стене, перелезли через стены аршин 8-ми в вышину на соседнюю усадьбу и скрылись незаметно ни для кого [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 53].

Осмотрев территорию и камеры, члены комиссии определили, что пролом между этажами был сделан заключенными с помощью различных подручных средств, среди которых не было специальных инструментов для взлома. На месте пролома в куче осыпавшейся штукатурки были найдены только случайные предметы: четыре коротких узких конца пил, один железный костыль, один засов от двери и одна отломленная от железной койки ножка. Все это бежавшие могли подобрать во дворе, изобиловавшем различным мусором, во время выходов на прогулки или тайно получить от посетителей. Своеобразным штабом по подготовке побега была, судя по всему, камера Ф. А. Барон, она находилась ближе всего к пролому, и в ней, кроме всего прочего, были найдены под матрацем койки различные запрещенные предметы. Оставшиеся в тюрьме политические заключенные заявили, что никто из них «не знал и не слыхал от бежавших об их намерении бежать, это делалось от них скрытно» [Там же. Л. 154].

Вывод, к которому пришла комиссия после осмотра места происшествия:

> Побег совершен при помощи посторонних лиц, выяснить которых при осмотре зданий и опросе заключенных не удалось, главным образом побег совершен за отсутствием полного комплекта конвойной стражи по окарауливанию помещений с политическими заключенными как внутри, так и снаружи [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 54].

Расследование обстоятельств побега вели представители губчека, к которым впоследствии присоединился уполномоченный от секретного отдела ВЧК А. Ф. Рутковский. Они сразу же сосредоточили свои действия на выяснении круга должностных лиц из числа работников губернского карательного отдела, виновных в допущении побега, а также членов политических партий, помогавших своим товарищам осуществить его.

За время нахождения политических заключенных в Рязани они постоянно поддерживали связь с однопартийцами и различными общественными организациями, ведя переписку и получая продовольственные и денежные передачи. Это делалось вполне открыто и соответствовало их статусу «политических». Так, по свидетельствам самих заключенных, за время пребывания в Рязани они получили две передачи от «Политического Красного Креста», «одну на 16-ть, другую на 19 человек, а также 65.000 руб., которые поделены поровну между всеми товарищами» [ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 7. Л. 8]. Отдельные посылки передавали представители «Всероссийского Черного Креста», а также рязанские анархисты Поварихин и Топилин, последний приходил перед самым побегом. В рамках следственных действий были «прочесаны» остатки рязанской группы анархистов-коммунистов, которая, по словам губчека, на тот момент являлась «окончательно похороненной». Основываясь на полученных данных, следствие посчитало, что побег был совершен «по ранее обдуманному плану при участии анархиста-коммуниста Топилина, который скрылся неизвестно куда» [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 55].

Учитывая все обстоятельства, уполномоченный ВЧК А. Ф. Рутковский пришел к однозначному выводу: в побеге политзаключенных виновата «вся тюремная администрация гор. Рязани, начиная с заведующего карательным отделом и кончая надзирателями тюрьмы» [Там же. Л. 166]. Попытки В. И. Стельмака обратить внимание на «многочисленные послабления режима», сделанные по указанию представителей рязанской губчека, и разделить с ними ответственность ни к чему не привели. Следствием было признано:

> Сваливание вины на губчека в послаблении режима заключенным носит чисто юридический подход и, в сущности, отношений к делу не имеет… Послабления режима заключенных в действительности диктовались крайней необходимостью, опять же по вине карательного отдела [Там же. Л. 35].

События весны – лета 1921 г., развернувшиеся вокруг «рязанской политической тюрьмы», имели ряд последствий и напрямую повлияли на судьбу некоторых участников. По приговору губернского революционного трибунала два надзирателя и помощник начальника губернской тюрьмы Г. Е. Левенец были приговорены к заключению в лагерь принудительных работ сроком на один год каждый с последующим освобождением от наказания в связи с амнистией в честь годовщины Октябрьской революции. Начальник рязанской тюрьмы М. Е. Завьялов и заведующий губернским карательным отделом В. И. Стельмак были по суду оправданы [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 233 об.], однако после этих скандальных событий они все равно лишились своих должностей.

Бежавшие анархисты перешли на нелегальное положение и разделились. Одна группа, продолжая борьбу, перебралась на Украину к Н. И. Махно, а после поражения махновского движения те, кто избежали расстрела, влились в круги политических эмигрантов. Другие присоединились к московскому анархистскому подполью, которое уже осенью 1921 г. подверглось разгрому. Несмотря на то, что «репутация Фани Барон как "идеологического" анархиста не была запятнана никаким терроризмом» [Эврич, с. 245], она и И. Н. Гаврилов были обвинены в причастности к террористическим актам и 30 сентября 1921 г. расстреляны по приговору ВЧК [Политические репрессии в Рязани, с. 110].

Оставшиеся в Рязани политические заключенные в течение осени 1921 г. были переведены в тюрьмы Москвы и Смоленска, многие позже были освобождены, однако уже в следующем 1922 г. вновь арестованы в рамках организации судебных процессов над социал-демократами и социалистами-революционерами. После отправки последних политических заключенных неофициально созданная «рязанская политическая тюрьма» тихо прекратила свое недолгое существование.

Резонансный побег группы анархистов из рязанской «политической тюрьмы» встал в общий ряд с другими подобными событиями возраставшего «тюремного противостояния», которые обостряли накал борьбы социалистических партий против советской власти, придавая ей бескомпромиссный характер. Возникшая на волне этого противостояния идея руководства ВЧК о создании собственной сети специальных тюрем для политических преступников со строгой изоляцией сохранилась и позднее была осуществлена уже органами ГПУ НКВД РСФСР. На протяжении 1920-х гг. вплоть до времени Большого террора и появления ГУЛАГа в стране действовала сеть политических изоляторов, где после серии судебных процессов отбывали наказание представители социалистических партий. В эту сеть вошли и тюрьмы в тех городах, куда в апреле 1921 г. были высланы бунтовавшие в Бутырской тюрьме. Рязань, несмотря на удобное расположение вблизи Москвы, в их число не попала, что, вероятно, стало последствием неудачного скандального опыта организации и деятельности «политической тюрьмы».

Список литературы

ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 1021; Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 106; Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299.

ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 7, 59, 121.

Джекобсон М., Смирнов М. Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР : справочник / сост. М. Б. Смирнов ; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М. : Звенья, 1998. С. 10–24.

Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М. : РОССПЭН, 2005. 736 с.

Общий список социалистов и анархистов – участников сопротивления большевистскому режиму (25 октября 1917 – конец 30-х годов) / отв. ред. К. Н. Морозов // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года : [сайт]. URL: http://socialist.memo.ru/lists/slovnik/index.html (дата обращения: 01.02.2022).

Отчет о деятельности Рязанского губисполкома за время с VIII по IX Губернский съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов : (Декабрь 1920 – июль 1921 г.). Рязань : Гос. изд-во, 1921. 414 с.

Политические репрессии в Рязани : путеводитель / сост. А. Ю. Блинушов. Красноярск : Офсет, 2011. 232 с.

Ребрух В. М. Правда о том, что произошло в Бутырской тюрьме в ночь под 26 апреля 1921 г. М. : Гос. изд-во, 1921. 15 с.

Эврич П. Русские анархисты : 1905–1917 / пер. с англ. И. Е. Полоцка. М. : Центрполиграф, 2006. 272 с.

References

Blinushov, A. Yu. (Ed.). (2011). *Politicheskie repressii v Ryazani. Putevoditel'* [Political Repression in Ryazan. A Guide]. Krasnoyarsk, Ofset. 232 p.

Dzhekobson, M., Smirnov, M. B. (1998). Sistema mest zaklyucheniya v RSFSR i SSSR. 1917–1930 [The Penitentiary System in the RSFSR and the USSR. 1917–1930]. In Smirnov, M. B., Okhotin, N. G., Roginskii, A. B. (Eds.). *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerei v SSSR. Spravochnik*. Moscow, Zven'ya, pp. 10–24.

Evrich, P. (2006). *Russkie anarkhisty. 1905–1917* [Russian Anarchists. 1905–1917] / transl. by I. E. Polotsk. Moscow, Tsentrpoligraf. 272 p.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-8419. List 1. Dos. 7, 59, 121.

GARO [State Archive of Ryazan Region]. Stock R-49. List 1. Dos. 1021; Stock R-2434. List 1. Dos. 106; Stock R-2639. List 1. Dos. 2299.

Morozov, K. N. (2005). *Sudebnyi protsess sotsialistov-revolyutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The Trial of the Socialist Revolutionaries and Prison Confrontation (1922–1926): Ethics and Tactics of Confrontation]. Moscow, ROSSPEN. 736 p.

Morozov, K. N. (Ed.). (N. d.). Obshchii spisok sotsialistov i anarkhistov – uchastnikov soprotivleniya bol'shevistskomu rezhimu (25 oktyabrya 1917 – konets 30-kh godov) [General List of Socialists and Anarchists Who Participated in the Resistance to the Bolshevik Regime (25 October 1917 – Late 1930s)]. In *Rossiiskie sotsialisty i anarkhisty posle Oktyabrya 1917 goda* [website]. URL: http://socialist.memo.ru/lists/slovnik/index.html (accessed: 01.02.2022).

Otchet o deyatel'nosti Ryazanskogo gubispolkoma za vremya s VIII po IX Gubernskii s"ezd rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov : (Dekabr' 1920 – iyul' 1921 g.) [Report of the Ryazan Provincial Executive Committee during the Period from the VIII to the IX Provincial Congresses of Worker, Peasant, and Red Army Deputies: (December 1920 – July 1921)]. Ryazan, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 414 p.

Rebrukh, V. M. (1921). *Pravda o tom, chto proizoshlo v Butyrskoi tyur'me v noch' pod 26 aprelya 1921 g.* [The Truth about the Events in Butyrskaya Prison on the Night of 26 April 1921]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 15 p.

The article was submitted on 13.06.2021